

НАУКА О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ В УКРАИНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 821.161.1 Достоевский 82.09(477)

Ю. А. Романов
(Украина)

ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТРУДАХ УКРАИНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Творческое наследие Федора Михайловича Достоевского традиционно вызывает живой отклик в среде украинских исследователей: только за последние тридцать лет проблемы его творчества освещались в десятках украинских научных публикаций, стали темами многих выступлений на научных конференциях, нашли свое отражение в ряде диссертационных работ.

Целью настоящей статьи является анализ трудов украинских литературоведов по творчеству Достоевского, определение их структуры и основных направлений, что позволит сделать выводы о современном состоянии достоевсковедения в Украине в целом и обозначить возможные перспективы его развития.

Начать данную работу представляется уместным с освещения трудов литературоведов, чья научная деятельность, начавшаяся еще в советский период, оказала и продолжает оказывать значительное влияние на состояние науки о Достоевском в Украине в целом, – профессора Харьковского университета Р. Н. Поддубной (1940–2006) и доцента Таврического национального университета (г. Симферополь) Г. А. Зябровой.

Личность и труды Р. Н. Поддубной снискали признание не только в кругах украинских литературоведов, но и в среде их российских

коллег: достаточно отметить то, с каким уважением вспоминают о ней президент Российского общества Достоевского Б. Н. Тихомиров, давние члены общества В. В. Борисова (Уфа), Н. В. Живолупова (Нижний Новгород) и многие другие (см. комментарий В. В. Борисовой к фотографии Р. Н. Поддубной, представленной одним из администраторов группы «Исследователи Достоевского» Н. Н. Подосокорским [65], а также слово коллег о ней [36]).

По свидетельству ее харьковских коллег, «Достоевский всегда оставался для Риты Никитичны главным «героем» ее литературоведческих исследований <...> ему посвящена едва ли не большая часть из более чем ста ее научных публикаций» [30, с. 4].

Первым монографическим трудом Р. Н. Поддубной стала кандидатская диссертация, посвященная исследованию художественной структуры романа «Преступление и наказание» и типу романа Ф. М. Достоевского. В работе уточняются «важнейшие признаки» структуры художественного произведения (она приобретает «своеобразную “трехмерность” «и являет собой, одновременно, и «структуру картины мира, как ее понимает художник», и «структуру реальной действительности, отраженной в произведении» и вместе с тем оказывается «неповторимой структурой эстетической реальности данного произведения» [45, с. 3–4]) и отмечается, что «именно стремление создать эстетическую реальность <...> объясняет новое качество и функции в романе Достоевского событий, практических дел (поступков), увеличение числа персонажей, изменение их роли и места в структуре произведения» [там же, с. 9–10].

Став «активным и полноправным членом сообщества исследователей Достоевского» [30, с. 3], Р. Н. Поддубная публикует труды по ряду различного рода отраженных в его творчестве проблем, при этом многие из этих работ печатались в республиканских научных сборниках, изданиях МАПРЯЛ, а также в томах серии Пушкинского дома «Достоевский. Материалы и исследования», в альманахе общества Достоевского «Достоевский и мировая культура», в материалах Международных Старорусских чтений [см. 38, 43, 42].

Следует отметить, что среди всего обширного творческого наследия Р. Н. Поддубной наибольшее влияние на состояние современного украинского достоевсковедения оказали, на наш взгляд, те ее работы, которые посвящены исследованию как художественной структуры произведений Достоевского, так и проблемам фантастического, сказочно-мифологической образности, анализу мифопоэтических тенденций в литературе [см. 39, 41, 40]. Значим ее вклад в изучение таких мотивов в творчестве Достоевского, как двойничество и самозванство (в частности, исследуя данные мотивы, автор дает новый взгляд на героев Гоголя и Достоевского и вскрывает «связь между самозванством и двойничеством») [38, с. 29].

Данное влияние отчетливо прослеживается в трудах современных исследователей, например, Л. Куплевацкой, Н. Полулях, чьи кандидатские работы были защищены под руководством проф. Поддубной (надо сказать, что она осуществляла научное руководство по ряду диссертационных работ, которые затрагивают различные проблемы творчества не только Ф. М. Достоевского).

Говоря о вкладе в украинское достоевсковедение Г. А. Зябровой, следует отметить, что благодаря ее усилиям наука о творчестве Ф. М. Достоевского стала одним из базовых направлений в деятельности научной школы «Русский литературный процесс: исторический и теоретический аспекты» под руководством заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского профессора В. П. Казарина [см. 66]. Будучи автором около ста печатных трудов, Г. А. Зябрева не только вносит существенный вклад в научно-теоретическую базу украинского достоевсковедения, но и способствует появлению в нем новых имен. Так, под ее руководством защитили кандидатские диссертации А. Терлецкий, А. Машенко, Ю. Романов, М. Кустовская, готовятся к защите еще две диссертации по творчеству Достоевского.

В трудах Г. А. Зябровой изучение романов Достоевского представлено в системном аспекте, прослеживаются традиции Достоевского в «малой» прозе Л. Андреева, в «крымском романе» В. Вересаева, большой интерес вызывает исследование крымского

контекста журнала «Гражданин» [см. 9, 8, 10, 6, 5], а также роли Крыма в формировании историософских идей Достоевского [7].

В частности, в последней работе доказывается, что хотя Ф. М. Достоевский «в Крыму никогда не бывал», «именно священная земля Тавриды сыграла определяющую роль в становлении историософской концепции писателя»: убедительные доказательства сказанного «содержит та часть наследия классика, которая обращена к так называемому Восточному вопросу», к которому он впервые «подступил» во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. и окончательное представление о котором, как и о русском мессианстве, сформировал во время войны 1877–1878 гг., которая с полным правом считается «продолжением Крымской кампании» [7].

Анализ научных публикаций и диссертационных работ украинских достоевсковедов за последние двадцать лет позволяет говорить о стабильном росте исследований, посвященных проблемам творчества Достоевского. Рост этот начался со второй половины 1990-х годов и уверенно продолжился в первое десятилетие века нынешнего. Защиты диссертаций по творчеству Достоевского проходят не только в Киеве, но и в таких городах, как Харьков, Днепропетровск, Одесса, Симферополь, Тернополь. Так, в Киеве защитили свои диссертации Н. Колосова (1991), О. Корниенко (1996), Л. Остапенко (1999), Л. Хваль (2001), Н. Полулях (2002); в Харькове – М. Блюменкранц (1991), Л. Куплевацкая (2000); в Днепропетровске – В. Мужчиль (1993), А. Машенко (1998); в Одессе – А. Холодов (1996); в Симферополе – А. Терлецкий (1996), И. Чуприна (2001), Ю. Романов (2003), М. Кустовская (2009), М. Норец (2009); в Тернополе – М. Калиниченко (2008), А. Базилян (2009). Не вызывает сомнений, что в обозримом будущем появятся новые исследования по творчеству Достоевского, и данный список украинскими достоевистами будет продолжен.

Что касается научных публикаций, то общее их количество практически не поддается учету и продолжает из года в год возрастать. Отметим только некоторые широко известные в Украине издания, в которых неоднократно публиковали свои работы достоевисты: сборники материалов международной научной конференции «Язык

и культура» (Киев), «Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина» (Харьков), научный журнал «Культура народов Причерноморья» (Симферополь), межвузовский научный сборник «Вопросы русской литературы» (Симферополь) и многие другие.

Анализ этого весьма внушительного массива работ позволяет (хотя и достаточно условно) выделить в исследованиях украинских достоевсковедов следующие направления.

Прежде всего, следует сказать о работах, в которых творчество Достоевского исследуется по широкому кругу проблем истории литературы и поэтики. К работам такого рода можно отнести уже упомянутые труды Р. Поддубной, Г. Зябревой, а также Н. Колосовой, А. Терлецкого, В. Мужчиль, О. Корниенко, Л. Остапенко, И. Чуприной, М. Кустовской и др.

К следующей группе исследований относятся труды, отражающие мифопоэтический подход к произведениям Достоевского. Это труды М. Блюменкранца, А. Холодова, А. Машенко, Л. Куплевацкой, Н. Полулях, Ю. Романова, М. Нореца и др.

В третьей группе исследований представлено компаративное направление в изучении творчества Достоевского. При этом часть работ посвящена сопоставлению творчества русского классика и зарубежных писателей (исследования Л. Хваль, Ю. Романова, М. Калиниченко, А. Базилян), другие же – отражают диалог русской и украинской культур, выявляя параллели в творчестве украинских писателей и Достоевского (труды Р. Поддубной, А. Чичерина, Н. Тодчук, Н. Ильницкого, Е. Быстроты, В. Панченко, И. Кошевой, М. Кудрявцева, С. Грицяя).

Говоря о работах первой группы, следует отметить, что в данных исследованиях представлен анализ художественной структуры произведений русского классика (Р. Поддубная); исходя из «непреложного факта» о том, что «творчество Ф. М. Достоевского представляет собой единую идейно-образную систему, центром которой является пятикнижие великих романов», рассматриваются (в системном аспекте) такие «первоначала художественного

универсума» Достоевского как предложенные им «картины современной действительности», «трактровка человеческой природы», а также «программа совершенствования мира и личности» (Г. Зябрева) [9, с. 21]; исследуется художественный мир малой прозы писателя (Н. Колосова) [13]; раскрывается место и значение его «Дневника писателя» (Л. Остапенко) [35]; прослеживаются закономерности функционирования текста (в частности, романа «Братья Карамазовы») в определенный исторический период и рассматривается связь поэтики романа со спецификой его восприятия (В. Мужиль) [33]; исследуется технология воплощения авторского самосознания в произведениях Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» (О. Корниенко) [14]; анализируется проблема художественного конфликта в романе «Братья Карамазовы» (И. Чуприна) [63]; рассматривается концепция «живой жизни» как значимая константа в творчестве Достоевского, переосмысленная и выведенная им на духовный уровень утверждения «идеала «сияющей личности» Христа» (М. Кустовская) [29].

В диссертации Н. Колосовой представлено «целостное изучение новеллистического рассказа Достоевского», выявлены такие «особенности художественного мировидения» Достоевского, как отказ от социального детерминизма в мотивации поведения и неподвижных типов сознания, эффект очищения страданием, возможности воспитания души и ее спасения, особое ощущение пространства окружающего мира, пристальное внимание к типу «положительно прекрасного человека» и др. [13, с. 2–3, 17].

В монографии А. Терлецкого рассмотрены концепции творчества Ф. М. Достоевского, характерные для представителей философской критики рубежа XIX–XX вв. Отмечая тот факт, что «именно русской философской критикой Достоевский впервые был оценен по достоинству и достаточно глубоко понят» (в нем увидели, по выражению К. Мочульского, «не только талантливого психолога, но и великого религиозного мыслителя»), автор монографии в то же время считает, что «заслуги философской критики в постижении

Достоевского не следует преувеличивать» [58, с. 90]. Не вполне понимая, что «духовным источником жизни и творчества Достоевского было Православие, целительную силу которого он впитал с детских лет», представители философской критики интерпретировали его мирозерцание «с позиций собственных, подчас весьма далеких от канонического Православия мистико-религиозных представлений», настойчиво стремясь либо «отлучить Достоевского от Православия (Шестов, Мережковский, Бердяев)», либо «принизить само Православие <...> заменить его «новым религиозным сознанием»» и «объявить Достоевского» его «пророком и предтечей <...> (Мережковский, Бердяев)», либо «уподобить его дьяволу (ранний Розанов, Шестов, Волынский, Мережковский)» (при этом, только К. Леонтьева, В. Розанова (в поздний период творчества) и Вяч. Иванова (до принятия католичества), с оговорками, можно отнести к тем, кто видел в Достоевском православного христианина; «промежуточное положение» занимали Вл. Соловьев и С. Булгаков, «для которых Достоевский был прежде всего пророком «вселенского христианства», а потом уже православным христианином») [там же, с. 91–92].

Цель диссертационного исследования В. Мужиль – установить закономерности функционирования текста в различные исторические эпохи и проследить, как поэтика художественного произведения связана со спецификой восприятия его обществом. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» рассматривается не только как художественный, но и социокультурный феномен. Автор диссертации приходит к выводу о том, что особенности художественного воплощения идеала в романе сыграли решающую роль для его восприятия: образ Христа, как некий моральный ориентир, пронизывающий всю ткань повествования, органично воспринимался читателями-современниками писателя, что явилось отражением духовных исканий эпохи. «Полифонизм» романа, в то же время, обусловил «широкий спектр его критических интерпретаций», каждая из которых отражала лишь одну из граней авторского идеала, «не покрывая его, однако, целиком» [33, с. 17].

Диссертационная работа О. Корниенко посвящена исследованию технологии воплощения авторского самосознания Ф. М. Достоевского «в двух аспектах самосознания: в отношении к окружающей действительности, господствующим идеям, и в постановке проблемы идеала» [14, с. 4]. По мнению автора диссертации, «идеей, воцарившейся в исторических реалиях 60-х гг. XIX в.», Достоевскому «виделось насилие» – «ложная антиидея», которой противостояла «подлинно гуманистическая идея» нравственного идеала писателя [там же, с. 7]. Как воплощение насилия, антиидеи в романах «Преступление и наказание» и «Идиот» выступает образ Петербурга, сложный урбанистический пейзаж которого являет город в «трех неразрывных ипостасях: топоса, причины и соучастника преступлений <...> не только уголовных, но и социальных, нравственных» [там же]. При этом автор диссертации указывает на систему лейтмотивов «в изображении антиидеи в структуре образа Петербурга: духоты, мертвенности, замкнутого, ограниченного пространства, холода и др.» [там же, с. 11]. Проводя анализ технологии воплощения идеала писателя, О. Корниенко вычленяет лейтмотив одухотворенности, вбирающий в себя ряд мотивов. Это мотивы «страдания», «смирения», «жертвенности», «детскости». Таким образом, осуществляя попытку осмысления эстетических, философских, этических взглядов Ф. М. Достоевского сквозь призму закономерностей построения им своего художественного мира, исследовательница приходит к выводу о том, что «анализ технологии, объединяющей системы лейтмотивов <...> выявляет специфику диалектически целостного сознания и самосознания» русского классика, «творческое наследие которого <...> продолжает оказывать существенное влияние на развитие мировой литературы» [там же, с. 19–20].

Диссертационное исследование Л. Остапенко отражает подход к «Дневнику писателя» как к принципиально важному факту «творческого поведения» Ф. М. Достоевского, связанному с воплощением русским классиком «сверхзадачи» переосмысления «роли литературы как средства формирования и выражения

общественной мысли» [35, с. 19]. Материалы «Дневника писателя» рассматриваются с точки зрения интенций формирования литературы с преобладающей ролью «игрового» слова, проявлением которого является «авторская маска» – «своеобразный код поведения автора, способ авторского проявления в тексте», отражающий «процесс влияния слова на читателя» и авторское отношение к событиям [там же, с. 6]. «Творческое поведение» Достоевского, прослеживаемое в поэтике «Дневника писателя», вначале как отказ от прямого слова, «показное искусство» владения «игровым» словом, чтобы завоевать право на прямое слово и, в конечном итоге, возвращение к нему, рассматривается автором диссертации как наследование Достоевским традиций русской литературы в ориентации на «пророка», провозглашающего художественное слово.

Диссертация И. Чуприной посвящена проблеме художественного конфликта в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Будучи, по мнению автора, «специальной проблемой литературоведения», которой уделялось недостаточно внимания (в частности, не выявлена «до конца» «жанрообразующая функция конфликта»), проблема конфликта рассматривается в различных проявлениях «конфликта человечества как одного человека» (семейный конфликт отца и сына, конфликт героя с социальной средой, конфликт героя с Творцом – бунт против Бога), первичным из которых является «внутренний конфликт человека, обусловленный отпадением его от Бога» [63, с. 1, 15]. Отмечая, что «проявления конфликта в прозаической (фабульной) действительности героев неадекватны проявлениям конфликта на сюжетном уровне произведения», исследовательница выявляет конфликт в слове повествователя и поступках персонажей. При этом «поступок – не только действие, но и слово-высказывание» [там же, с. 15]. По мнению автора диссертации, фабульная действительность романа «разделена на две сферы» – «жизнь мирскую и монастырскую». Хотя эти две сферы «не противостоят друг другу», но являются взаимодополняемыми, каждая из них – «внутриконфликтна». При

этом, наивысшего конфликта достигает жизнь мирская, наиболее отдаленная от Бога, хотя конфликту подвержена и жизнь монастырская: «и среди иноков встречаются принадлежащие «миру сему»» [там же]. Наиболее актуальными для обеих сфер являются «одни и те же вопросы» – «вопросы церкви», поскольку в поэтическом мире Ф. М. Достоевского церковь – «не просто организация», а «тело Христово, живая жизнь», без которой «нет народа, нет России». В «лоне Соборной Церкви Христовой» конфликт нивелируется, «голоса героев звучат полнокровно», «не нуждаются в спорах и объяснениях» [там же]. По убеждению исследовательницы, для разрешения конфликта наиболее важно духовное состояние человека, «духовный рост», при этом высказыванием, «наиболее точно определяющим состояние героя, является исповедальное слово» (оно оказывается в структуре различных жанров, составляющих романное целое: «жизнеописания, проповеди, бунта, поэмы, анекдота»). Сам роман – «поэтическое высказывание Ф.М. Достоевского: слово кающегося грешника, слово исповедующегося христианина и исповедника Православия, слово-проповедь Христовой истины, которым Достоевский как личность разрешает свое внутреннее противоречие, возвышаясь до автора-творца» [там же, с. 15–16].

Труды [см. 22–28] и диссертация М. Кустовской посвящены исследованию концепции «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского, которую автор небезосновательно считает «одной из самых актуальных проблем в отечественном и мировом достоевведении» [29, с. 18]. В работе исследовательницы прослеживается генезис и эволюция идеи «живой жизни» не только в творчестве Достоевского, но и в пространстве русской культуры XIX–XX вв., раскрывается своеобразие понимания этого феномена Достоевским и доказывается, что в тезаурусе писателя «живая жизнь» – не спорадическое явление, а значимая константа, лейтмотив, переходящий из произведения в произведение. В работе определен спектр номинаций и значений понятия «живая жизнь» «в художественном и публицистическом дискурсах Достоевского»,

включающий: 1) антиномию мертвящему рационализму; 2) доверие естественной «логике живой, действительной жизни»; 3) органическую, молитвенную связь с Творцом всего сущего; 4) идею бессмертия души; 5) последование Христу в Его этике; 6) проповедь Православия [там же, с. 19]. Диссертация дополняет научное представление о поэтике «живой жизни», расширяет истолкование «таких ведущих у писателя символических мотивов, как «вода», «воздух», «земля», «солнце», «сад»» [там же]. Несомненна продуктивность дальнейшего изучения феномена «живой жизни» в широком литературном и культурном контекстах, при компаративных и рецептивных исследованиях, поскольку преемственность традиций Достоевского прослеживается как в русской, так и мировой литературе [там же, с. 19–20].

В трудах, отражающих мифопоэтическую направленность, исследуется проблематика жанра легенды в творчестве Достоевского (М. Блюменкранц) [3], типология мифопоэтических мотивов в произведениях «Хозяйка», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток» (А. Холодов) [61], влияние Священного Писания на мир идей художественной прозы Достоевского (А. Машенко) [32], символическая структура романа «Братья Карамазовы» (Л. Куплевацкая) [21], мотивная структура романа «Бесы» (Н. Полулях) [46], феномен «подполья» в поэтике Достоевского (Ю. Романов) [57], мотив покаяния в романной прозе русского писателя (М. Норец) [34].

Диссертационная работа М. Блюменкранца посвящена «выявлению неожиданных точек пересечения между историко-философским генезисом легенды и направлением, в котором шли религиозно-нравственные искания, нашедшие свое воплощение» в творчестве Ф. М. Достоевского [3, с. 2–3]. Отмечая «пороговый» характер легенды, отражающей «переходный этап от мифопоэтического к историческому мышлению», несущей в себе и «символ Вечности, и знак времени» [там же, с. 4–5], автор приходит к выводу о том, что ветхозаветная легенда о Нимроде и «Легенда о Великом Инквизиторе», «несмотря на их различие во времени и

культуре», вступают в «скрытую духовную переключку» [там же, с. 15]. Поскольку, «с точки зрения Великого Инквизитора, для того, чтобы дать человечеству счастье, необходимо лишить его свободы», а «форма существования Нимрода – это абсолютная реализация собственной свободы, свободы как произвола», в обоих случаях свобода является лишь объектом (средством или самоцелью), а не сущностью личностного бытия, что неминуемо приводит к духовному омертвлению и распаду. Констатируя неслучайное обращение Достоевского к легенде, автор диссертации обнаруживает связь «выявляемых в ходе анализа историко-философского генезиса легенды» проблем и «вечных вопросов», поставленных творчеством Ф. М. Достоевского» [там же, с. 15–16].

Кандидатская диссертация А. Холодова отражает изучение мифопоэтических мотивов в произведениях Ф. М. Достоевского. В работе исследуются мифопоэтические мотивы, которые автор диссертации считает наиболее типичными для творчества писателя: мотив нисхождения в подземное царство (повесть «Хозяйка»), мотив предсвадебного похищения невесты (роман «Идиот»), мифологема жертвоприношения (роман «Преступление и наказание»), а также комплексы архетипных мотивов в романе «Подросток» (поиск отца сыном, встреча героя со своим двойником-судьбой, мотивы грехопадения и познания добра и зла). Как полагает исследователь, развитие сюжетного действия осуществляется у Достоевского на трех уровнях: социально-бытовом, психологическом и мифологическом. Ритуальные и мифопоэтические мотивы в произведениях Достоевского мифологизируют сюжет и создают своеобразный мифопоэтический подтекст, придающий универсальность единичному факту и наделяющий личную судьбу героя и его трагедию чертами вселенского масштаба.

В трудах А. Машенко рассматривается влияние Священного Писания на мир идей художественной прозы Достоевского. По мнению исследователя, «ни у одного русского литератора евангельские темы не получили столь глубокой интерпретации, как у Ф. М. Достоевского», «Евангелие – тот краеугольный камень, на

котором зиждутся» его романы [31, с. 35]. В своей диссертационной работе (которая явилась по сути первой попыткой украинских исследователей всесторонне рассмотреть связь идей творчества великого русского писателя со Священным Писанием) А. Машенко характеризует причины и формы обращения Достоевского к Священному Писанию, вычленяет библейские тексты, использованные художником в своих произведениях, определяет среди них наиболее важные для писателя, делает попытку установления философского и символического смысла, который вкладывал русский классик в ту или иную библейскую аллюзию, характеризует роль Священного Писания в его идеологических построениях. Исследователь приходит к выводу о том, что «все или почти все идеи Достоевского, от этических до историософских, коренятся в священных текстах» [32, с. 14]. Данные тексты нашли свое отражение в творчестве писателя в форме прямых цитат, скрытых аллюзий, реминисценций. Книги, стихи Писания лежат в основе как целых произведений русского классика, так и некоторых их фрагментов. Так, в подтексте сюжета «Преступления и наказания» – новозаветная история о воскресении Лазаря; «Бесы» оказываются огромным толкованием нескольких евангельских стихов; сны Раскольникова в «Преступлении и наказании» и Ипполита в «Идиоте» – это вариации на темы Откровения Иоанна Богослова. Восприятие Достоевским Библии как живого пророчества о судьбах мира и человека проходило на нескольких уровнях: «личном, поэтическом, этическом и историческом» [там же]. При этом для писателя было крайне важным, чтобы его личным идеям и надеждам находилось подтверждение в Писании; великий русский писатель, «пророк духовного возрождения» не мог не «обращаться к боговдохновенным книгам» [там же, с. 15].

Научные труды [см. 17–20] и диссертационная работа Л. Куплевацкой посвящены исследованию символов и символики в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». В данных работах проанализированы символические мотивы «падения с горы», «косых лучей заходящего солнца», «страдающих матери и дитяти» и др.;

исследованы символические функции «трактира», «сада», «камня», «стены» и т.п. Как показывают исследования, символическая структура романа отражает его внутренний духовно-философский план и авторскую «гипертему» о пути нравственного человеческого возрождения.

Диссертация Н. Полулях посвящена анализу мотивной структуры романа «Бесы». В своей работе исследовательница прослеживает «движение внутритекстовых мотивов – «театральности», «роли» и «маски», «бесовства», «подмененного ребенка», «блудного сына», «двойничества» – от центральной смысловой области <...> до периферийных модификаций» [46, с. 18]. Н. Полулях выделяет два «базовых» мотива, которые выполняют «функцию идейно-структурных «несущих конструкций» – «театральности» и «бесовства»» [там же]. В диссертации доказывается, что мотив «театральности» является структурообразующим, поскольку персонажи выстраивают свое поведение как роли, а события происходят по «сценариям» самозванных режиссеров (Ставрогиной, Верховенского-младшего, Юлии и Андрея фон Лембке). Хотя мотив «бесовства» и не формирует художественную структуру романа, он проявляется на всех ее уровнях – хронотопа, предметного мира, системы образов. Именно этот мотив, по мнению исследовательницы, является генеральным «в концептуальном отношении, поскольку реализует осмысление Достоевским всеобщей увлеченности идеями социального переустройства мира как бесовства» [там же, с. 19]. Проведенный в исследовании интертекстуальный анализ позволил обозначить «пушкинско-лермонтовский, гоголевский, шекспировский и евангельский мотивы» [там же]. Так, литературная генеалогия Ставрогина позволяет увидеть его связь с «образами «нравственных скитальцев» русской литературы – Онегиным и Печориным», а также «шекспировским принцем Гарри»; гоголевские корни имеют персонажи «политического памфлета» – Петр и Степан Верховенские и Юлия фон Лембке» [там же]; ключом к роману, несомненно, служит евангельский эпиграф, почти зеркально

отражающийся в финальной сцене главы «Последнее странствие Степана Трофимовича» [см. 47]. Автор диссертации приходит к выводу о том, что «появление мотивной структуры стало новым этапом и в творчестве Достоевского, и в развитии русской литературы в целом, ибо наличие такой структуры характерно для романа-мифа XX ст. «Бесы» – это модель «переходного типа» от классического романа к роману неомифологическому» [46, с. 19–20].

Большинство работ Ю. Романова [см. 48, 50–52, 55], как и его диссертация, посвящены одной теме – раскрытию «подпольного» мотива в творчестве русского классика. «Подпольный» герой Достоевского рассматривается не просто как один из «типов» в характерологии писателя, а в качестве архетипического образа, воплощающего одну из поведенческих моделей архетипической природы («подпольный» мотив состоит в неприятии Божьего мира, противопоставлении ему Человекобожеского идеала, осознании собственного несоответствия идеалу, жестокой самоказни и эстетизации ее, погружении в духовное отчуждение – «подполье»), закрепленных в «коллективном бессознательном» (К. Г. Юнг) и реализующихся в опыте сменяющихся поколений. Проследивая «подпольный» мотив в характерах четырех романов великого пятикнижия («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток»), исследователь осуществляет попытку наметить наиболее общую типологию «подполья». Она определяется тем, что при реализации в героях произведений Достоевского «подпольного» мотива в ведущей роли неизменно выступают такие «подпольные» начала, как Человекобожество и «подпольный» эстетизм. Человекобожество является идейной оппозицией всему пафосу творчества Достоевского, отражает «горнило нравственных сомнений», через которое прошла его «Осанна»; «подпольный» эстетизм, как правило, выступает спутником человекобожеской идеи. Если герой Достоевского не соответствует своему идеалу, то выражением его «подпольного» эстетизма служит доходящая до наслаждения самоказнь. Такой чертой наделены «подпольный» парадоксалист, Раскольников, чета Мармеладовых, Ганя Иволгин,

Лебедев, Ипполит Терентьев, Аркадий Долгорукий и др. В героях, наделенных необычайной силой, ставящих себя «выше Бога» – Свидригайлове, Ставрогине, Версिलове – «подпольный» эстетизм полностью подменяет их нравственное сознание, приводя к духовному распаду. Возможно предположить и такое построение типологии «подполья» – в зависимости от того, какая идея становится репрезентативной для Человекобожества (например, у Раскольникова – «наполеонистическое» «подполье», у Ставрогина – «сатанинское», у Аркадия Долгорукого – «ротшильдово» и т. д.). Осознавая значение сделанного им великого художественного открытия – «подполья», – Достоевский видел в нем «правду жизни», проблему «русского большинства» и предвосхищал свою славу первооткрывателя «подпольного» феномена. Дальнейшее развитие мировой культуры подтвердило правильность его художественного предвидения: «Записки из подполья» остаются одним из наиболее читаемых произведений современности; образ «подпольного» героя, «как Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан и Фауст», по общему признанию, «достиг <...> положения одного из литературных архетипов» [64, с. 202], оказавших существенное влияние на развитие мировой литературы.

Диссертация М. Нореца посвящена исследованию мотива покаяния в качестве структурообразующего начала в романе «Преступление и наказание». Выявляя основные тенденции в трактовке понятия «онтологический сюжет» в современной истории и теории литературы (автор опирается на труды Л. В. Карасева) и рассматривая историю онтологического толкования прозы Достоевского, М. Норец исследует своеобразие повествовательной структуры романа «Преступление и наказание» в контексте развития сюжета покаяния, который предполагает прохождение следующих стадий: 1) «опыт бессилия жертвенного намерения добра» (сформировавшийся у Раскольникова в результате смерти его невесты, желание жениться на которой оценивается как намеренное самопожертвование с его стороны); 2) «интуицию личной уникальной вины и обусловленное этой интуиций выпадение из

человеческого сообщества» (как глубинное неприятие Раскольниковым прощения от людей); 3) «стадию распада «естественных сообществ», обещающих суд и прощение» (близкие и друзья Раскольникова), и «непричастность» героя ни к одному из них [34, с. 18–19]. По мнению автора диссертации, «интерпретация финала романа в духе Книги Иова согласуется с обосновываемой точкой зрения на архитектуру события покаяния на том основании, что Раскольников, подобно библейскому Иову, взыскует *собственной* вины, не приемля ни утешений, ни увещаний извне» [там же, с. 19]. Роман рассматривается исследователем «как процесс перехода с психологического уровня раскаяния на онтологический уровень покаяния», и «задаваемая Евангельским архетипом стадиальность этого процесса обуславливает сюжетно-композиционное своеобразие романа «Преступление и наказание»» [там же].

В трудах компаративного направления исследуются связи творчества Ф.М. Достоевского с представителями «Южной школы» американского романа (Л. Хваль) [60], проблемы сопоставительного анализа творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера (Ю. Романов) [49, 53, 54, 56], авторские мифы в романах «Моби Дик» Г. Мелвилла и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (М. Калиниченко) [12]; рецепция Ф. М. Достоевского в польской литературе конца XIX – первой половины XX вв. (А. Базилян) [1] и др.

Диссертация Л. Хваль посвящена изучению контактно-генетических связей и типологических аналогий в творчестве Достоевского и представителей «Южной школы» американского романа – У. Фолкнера, Р. П. Уоррена, К. Маккалерс, У. Стайрона, У. Перси, произведения которых исследовательница считает возможным относить к «одному «типологическому ряду»», что позволяет выявлять «типологические схождения, аналогии, параллели и различия» [60, с. 18]. Так, в творчестве Достоевского и писателей «Южной школы» четко прослеживаются такие черты жанра «романа-трагедии», как «трагический конфликт «Лица с

миром» (В. Кирпотин)), «катастрофичность событий, спешащих к трагическому концу», подчеркивается наличие «трагической развязки», обусловленной природой этого жанра [там же, с. 18–19]. Автор диссертации отмечает важность для представителей «Южной школы» воплощенной Достоевским психологии «отчужденного протагониста» (повесть «Записки из подполья»), нашедшей яркое воплощение в произведениях американских авторов (романы К. Маккалерс «Сердце – одинокий охотник», У. Перси «Кинозритель», «Последний джентльмен», «Ланселот», У. Стайрона «Подожги этот дом», Р. П. Уоррена «Ночной всадник», «Вся королевская рать»), а также значимость создания политического романа нового типа «Бесь», изображающего тип того сознания, которое русский классик определял как «бесовство», что оказалось близким писателям «Южной школы» (романы Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» и У. Стайрона «Выбор Софии»).

В трудах Ю. Романова [56, 49] анализируются такие направления сопоставительного анализа творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера, как поиск писательских традиций Достоевского в творчестве американского писателя (А. Николюкин, Н. Анастасьев), исследование религиозных мотивов в их творчестве (Д. Смит); рассматриваются труды, посвященные проблемам экзистенциализма (Д. Келлог, И. Кирк), жанровой проблематике (А. Герард, Х-Ю. Герик, П. Рабинович), раскрытию функций юмора (А. Писани), анализу особенностей повествовательного строя их произведений (К. Степанян) и др. Особое внимание автор уделяет рассмотрению творчества Достоевского и Фолкнера относительно воплощения в нем архетипического образа «подпольного» героя, отмечая, что черты «подпольного» парадоксалиста Достоевского отражены в романе Фолкнера «Сарторис» в идеализации прошлого («героика» молодого Баярда, символическая «глухота» старого Баярда, «безмятежность» Нарциссы, инфантилизм ее брата Хореса), трагическом осознании своего несоответствия идеалу (молодой Баярд), трагической расколотости сознания, карнавализации, масочности и, в конечном итоге, нравственной гибели героя [53].

Сопоставительный анализ романов «Преступление и наказание» и «Шум и ярость» позволяет выявить ряд параллельных, связанных с воплощением свойств архетипического образа «подпольного» героя, характеров. При этом в некоторых из них «подпольный» мотив отражен с достаточной полнотой (Раскольников – Квентин Компсон, Свидригайлов – мистер Компсон), в других же данная репрезентация носит фрагментарный характер (Лужин – Джейсон Компсон, Катерина Ивановна – миссис Компсон, Мармеладов – мистер Компсон) [54].

В диссертации М. Калиниченко исследуются мировоззренческие, эстетические и художественные процессы возникновения авторских мифов у Мелвилла и Достоевского, их художественная онтология и функционирование в мифопозитике романов «Моби Дик» и «Преступление и наказание». Авторский миф трактуется «как художественное воплощение результатов взаимодействия мифологических моделей, схем и мотивов с авторской установкой на мифологизацию бытия» [12, с. 18]. Определена принципиальная общность содержания авторских мифов в романах «Моби Дик» и «Преступление и наказание», в которых отражены «древнейшие мифические представления о вечной неразделимости и неслиянности, единстве и неразрешимом противоборстве добра и зла в универсуме и человеческой душе» [там же, с. 19].

Диссертация А. Базилян посвящена проблемам восприятия творчества Ф. М. Достоевского польскими писателями конца XIX – первой половины XX века. Основное внимание уделено писательской рецепции русского классика С. Жеромским, З. Налковской, Я. Ивашкевичем. По мнению автора диссертации, анализ их произведений позволяет говорить не просто о влиянии на них Достоевского, а о глубоком процессе усвоения ими его творческой проблематики, при котором «чужое» осваивается, обновляется и становится «своим» [1, с. 8]. Так, выявлено, что для С. Жеромского русский писатель был не только идейным вдохновителем – его произведения были для него своеобразной школой художественного мастерства; для З. Налковской он был примером для подражания, учителем, с которым писательница постоянно вела диалог, пыталась

сравнивать с его творчеством собственную манеру письма, а также письмо других авторов. Диалог, возникший, по мнению исследовательницы, между Ф. Достоевским и польскими писателями, позволяет проводить компаративное исследование романов «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «История греха» С. Жеромского, «Граница» З. Налковской, рассматривая не только их идейную проблематику (проблемы Преступления и Наказания, Добра и Зла), но и фабулу (криминальный сюжет).

В трудах, отражающих исследование параллелей между Ф. М. Достоевским и украинскими писателями, изучаются биографическое сходство, обстоятельства знакомства и взаимовосприятие Федора Достоевского и Тараса Шевченко (Р. Поддубная) [44]; рассматривается рецепция творчества русского писателя Иваном Франко (А. Чичерин, Н. Тодчук, Н. Ильницкий, Е. Быстрота) [см. 62, 59, 11, 2]; вскрываются «достоевские» вопросы в творчестве Владимира Винниченко (В. Панченко, И. Кошечая, М. Кудрявцев) [см. 37, 15, 16]; намечены общие мотивы у Достоевского и современного украинского прозаика и историка Валерия Шевчука (С. Грицай) [4].

В исследовании Р. Поддубной отмечается, что для современников Ф. М. Достоевского и Т. Г. Шевченко в начале 60-х годов XIX века «имена и судьбы этих писателей имели если не одинаковое, то очень близкое общественное значение» [44, с. 10]; «сходство гражданских судеб художников, примерно в одно и то же время прошедших испытание десятилетней каторгой и солдатчиной <...> поразительное сходство некоторых нравственно-общественных итогов, вынесенных из десятилетних испытаний, чрезвычайно большой круг общих знакомых, делающий личное знакомство практически неизбежным, – все это дает основания говорить об истории несостоявшейся близости» [там же, с. 11] русского писателя и украинского поэта. По мнению исследовательницы, факты биографии Достоевского и Шевченко позволяют предполагать возможность их – хотя бы заочного – знакомства уже в 40-е годы. Вероятными его посредниками могли быть Д. В. Григорович и

К. А. Трутовский, а в недолгий период между декабрем 1859 г. (возвращение Ф. М. Достоевского в Петербург) и февралем 1861 г. (смерть Т. Г. Шевченко), помимо них, – А.С. Афанасьев-Чужбинский и, особенно, Н.И. Костомаров. Что касается места встречи, то, наиболее вероятно, это был дом Тургенева. Автор исследования убеждена в том, что «в феврале – апреле 1860 г. Достоевский и Шевченко просто не могли не встречаться у Тургенева» [там же, с. 20], «Достоевский и Шевченко знали друг о друге очень много и полно и <...> лично встречались неоднократно» [там же, с. 22]. При этом если Шевченко воспринимал Достоевского демократом, противником крепостного права и талантливым писателем, то «личность <...> и мироощущение Шевченко должны были заинтересовать Достоевского <...> в связи с теми размышлениями о народе, к которым побудила каторга и которые послужили одним из оснований начинающей складываться концепции «почвы»» [там же, с. 17].

В трудах, посвященных исследованию восприятия творчества Достоевского Иваном Франко, отмечается, что, хотя эта «сложная», но «интересная» тема уже становилась предметом изучения украинских литературоведов, очевидно: требуются дальнейшие разыскания, которые «еще впереди» [59, с. 237]. Практически все исследователи констатируют живой интерес Ивана Франко к произведениям русского писателя, в творчестве которого он особенно ценил психологизм, изображение духовной жизни человека, поражающий читателя трагизм. Отвечая на вопросы о том, как отразилось творчество Достоевского в произведениях Франко и можно ли говорить о непосредственном его влиянии на художественный мир украинского классика, литературоведы склонны предполагать, что «след увлеченно и внимательно прочитанных романов русского автора можно выявить» и этот след будет «более четким и ясным» по сравнению со следами художественного освоения Иваном Франко творчества таких романистов второй половины XIX в., как Л. Толстой, И. Тургенев, Г. Флобер или Э. Золя [62, с. 54–55]. Наиболее ощутимо это влияние

в повести «Столпы общества» (1894–1895) и в романе «Перекрестные тропинки» (1900), герои которых созвучны образам Достоевского. Правда, при этом, сколь бы сильным ни было это созвучие, стихи и проза украинского классика всегда являлись отражением его могучей творческой индивидуальности, усваивавшей все самое ценное в мировой литературе [там же, с. 57]. В исследованиях последних лет литературоведы открывают все новые параллели между Достоевским и Франко, по-новому осмысливают их. В частности, путем сравнительного анализа сюжетного времени доказывается соотнесенность в конструировании хронотопа романов «Ради домашнего очага» и «Преступление и наказание»; на материале «Поединка» Ивана Франко и «Двойника» Достоевского прослеживается тема двойничества – одна из «магистральных» в творчестве как одного, так и другого [11, с. 18]; делается важный вывод о том, что «современные обращения» к творчеству и личности Ф. М. Достоевского в Украине обусловлены традицией, которая восходит к восприятию прозы русского писателя Иваном Франко, его оценкой значимости творческого наследия Достоевского [2, с. 300].

Проблемы Человекобожества, двойничества, революционного бесовства – вот «достоевские» вопросы, проглядывающие, по мнению исследователей, в творчестве талантливого украинского писателя Владимира Винниченко. Будучи одновременно и «революционером-практиком», направлявшим свою деятельность на «достижение социалистического идеала», и «художником», читавшим Достоевского, «которому открывались противоречия и диссонансы грядущего потрясения основ», Винниченко создал галерею образов «раскольнического» типа (пьесы «Дисгармония», «Ступени жизни», драма «Memento», роман «Честность с собой» и др.), «подчиняющих себя тщательно сконструированному принципу», что и «роднит их с героем «Преступления и наказания»» [37, с. 134, 136–137]. Присутствует при этом и мотив нравственного раздвоения, борьбы с самим собой. Так, главный герой романа «Записки курносого Мефистофеля» Яков Михайлюк «носит

напускную, фальшивую маску безразличия, презрения, экспериментирует над другими людьми», пробует совершить убийство своего ребенка, мешавшего счастью с любимой, но, в конце концов, не может на это пойти: в его душе, как и у Раскольникова, идет «постоянная борьба» [15, с. 122]. По мнению М. Кудрявцева, хотя «украинский социал-демократ <...> В. Винниченко имел другие духовные ориентиры, нежели русский христианский мыслитель Ф. Достоевский», эти классики «адекватны <...> в глубинном психологизме художественного осмысления греховных побуждений человека <...> в мастерской передаче социального типажа, в умении в духовно-этическом состоянии общества увидеть угрозу людской цивилизации» [16, с. 9].

Наличие общих проблем творчества — таких, как свобода личности, противоречие между духовными устремлениями и эмпирической жизнью, уникальность человеческого существования, — позволяет проводить определенные параллели между художниками, принадлежащими разным культурно-историческим эпохам, — Ф. М. Достоевским и Валерием Шевчуком. Как отмечает С. Грицай, «целостная общая концепция времени и пространства» «прочитывается» как в произведениях из «Дневника писателя» Достоевского, так и романах Валерия Шевчука («На поле смиренном», «Три листка за окном», «Дом на горе») [4, с. 207].

Таковы в общих чертах основные направления и структура исследовательских работ по творчеству Ф. М. Достоевского, изданных за последние десятилетия в Украине. Многие темы из упомянутых направлений сохраняют свою значимость и сегодня. В то же время, хотелось бы подчеркнуть важность рассмотрения произведений Достоевского в православном контексте, дальнейшего изучения требует отражение в его художественном мире Священного Писания, при этом остается актуальным мифопоэтический подход к освещению проблем его творчества. Для украинских литературоведов представляет особый интерес преломление художественного мира Ф. М. Достоевского в творчестве украинских классиков — не только И. Франко и

В. Винниченко, но также О. Кобылянской, Л. Украинки, М. Коцюбинского, Н. Хвелевого, других.

Не вызывает сомнений, что за достаточно продолжительный по времени постсоветский период давно уже назрела необходимость в создании определенных условий, которые обеспечивали бы украинским достоевсковедам возможность объединять усилия по дальнейшему изучению творческого наследия великого русского классика, озвучивать свои идеи и обмениваться ими в рамках специальных достоеведческих конференций на территории Украины, приглашать на них как своих российских коллег, так и достоевсковедов со всего мира. В связи с этим выдвинутую М. Кустовской (и поддержанную Г. А. Зябревой) инициативу создания Украинского общества исследователей Достоевского трудно переоценить. Хочется верить в то, что в обозримом будущем в этом направлении будут предприняты первые серьезные шаги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базілян А. А. Рецепція Ф. Достоевського у польській літературі кінця XIX – першої половини XX століття. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. / А. А. Базілян. – Тернопіль, 2009. – 20 с.
2. Бистрота О. Рецепція творчості Федора Достоевського Іваном Франком // Наук. записки Терноп. нац. пед. ун-ту ім. В. Гнатюка. Серія: Літературознавство / За ред. М. П. Ткачука. – Тернопіль: ТНПУ, 2009. – Вип. 28. – С. 293–300.
3. Блюменкранц М. А. Жанр легенды в творчестве Ф.М. Достоевского (историко-философский генезис). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М. А. Блюменкранц. – Харьков, 1991. – 18 с.
4. Грицай С. Я. Отзвуки Ф.М. Достоевского в творчестве Валерия Шевчука // Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы II междунар. научно-практ. конф. 30–31 октября 1997 г., г. Киев / Гл. ред. Н. А. Шульга. – Киев, 1998. – С. 204–208.
5. Зябрева Г. А. в соавт. с Ишиным А. В. Крымский контекст журнала «Гражданин» (предисловие, послесловие, комментарии) / Г. А. Зябрева, А. В. Ишин // Крымский архив: историко-

краеведческий и литературно-философский журнал. – Симферополь: КЦГИ, 2007. – № 10. – С. 221–260. – № 11. – С. 270–302.

6. Зябрева Г. А. Идеи и образы Ф. М. Достоевского в «крымском романе» В. В. Вересаева / Г. А. Зябрева // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. – Симферополь: Крымский архив, 2008. – Вып. 15 (72). – С. 101–112.

7. Зябрева Г. А. Крымские «корни» историософии Ф. М. Достоевского / Г. А. Зябрева // http://www.rgguvnov.ru/library/resource/notes_2.doc.

8. Зябрева Г. А. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в системном аспекте (статья 2) / Г. А. Зябрева // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. – Симферополь: Крымский архив, 2011. – Вып. 19 (76). – С. 23–40.

9. Зябрева Г. А. Романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» в системном аспекте (статья 1) / Г. А. Зябрева // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. – Симферополь: Крымский архив, 2000. – Вып. 6(63). – С. 21–38.

10. Зябрева Г. А. Традиции Ф. М. Достоевского в «малой» прозе Леонида Андреева 1900-х годов / Г. А. Зябрева // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. – Симферополь: Крымский архив, 2002. – Вып. 8(65). – С. 153–171.

11. Ільницький М. Поединок із собою: проблема двійництва в «Поединку» І. Франка та «Двійнику» Ф. Достоєвського / М. Ільницький // Слово і час. – 2006. – № 8. – С. 18–27.

12. Калініченко М. М. Герман Мелвілл і Федір Достоєвський. Авторські міфи в романах «Мобі Дік» та «Злочин і кара». Автореф. дис. ... канд. філол. наук. / М. М. Калініченко. – Тернопіль, 2008. – 20 с.

13. Колосова Н. А. Художественный мир малой прозы Ф. М. Достоевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Н. А. Колосова. – Киев, 1991. – 18 с.

14. Корниенко О. А. Технология воплощения авторского самосознания в произведениях Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О. А. Корниенко. – Киев, 1996. – 21 с.

15. Кошова І. О. Достоевські питання у романі Володимира Винниченка «Записки кирпатого Мефістофеля» / І.О. Кошова // Наук. праці: Зб. – Миколаїв: МФ НАУКМА, 2000. – Т. 5. – С. 121–123.

16. Кудрявцев М. Г. Достоевський і Винниченко: до проблеми художньої інтерпретації злочину і покари в історико-літературному контексті / М. Г. Кудрявцев // Заруб. література в школах України. – 2008. – №. 3. – С. 2–9.

17. Куплевацкая Л. А. Символика камня у Достоевского: «Братья Карамазовы» в контексте Пятикнижия / Л. А. Куплевацкая // Вісник Харк. ун-ту. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно-мовної свідомості. Серія: Філологія. – 1999. – № 448. – С. 181–185.

18. Куплевацкая Л. А. Символика «предисловных рассказов» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Л. А. Куплевацкая // Русская филология. Украинский вестник. – 1997. – № 3–4. – С. 41–45.

19. Куплевацкая Л. А. Символика садов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Л. А. Куплевацкая // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. – 1998. – Вип. 10(21). – С. 56–60.

20. Куплевацкая Л. А. Символика хронотопа и духовное движение героев в романе «Братья Карамазовы» / Л. А. Куплевацкая // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб., 1992. – Т. 10. – С. 90–100.

21. Куплевацька Л. О. Символи та символіка в романі Ф.М. Достоевського «Брати Карамазови». Автореф. дис. ... канд. філол. наук. / Л.О. Куплевацька. – Харків, 2000. – 19 с.

22. Кутовская М. А. «Воздух» и «вода» как символы «живой жизни» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кутовская // Достоевский и современность: Материалы XXII Междунар. Старорусских чтений 2007 года. – Великий Новгород, 2008. – С. 131–138.

23. Кутовская М. А. «Жажда жизни» и «живая жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / М. А. Кутовская //

Вопросы русской литературы: межвуз. научн. сб. – Симферополь: Крымский Архив, 2007. – Вып. 13(70). – С. 63–76.

24. Кустовская М. А. «Жажда жизни» и «живая жизнь»: диалектика идеи «жизни» у Ф. М. Достоевского / М. А. Кустовская // Достоевский и современность: Материалы XXIV Междунар. Старорусских чтений 2009 года. – Великий Новгород, 2010. – С. 178–183.

25. Кустовская М. А. Концепция «живой жизни» Ф. М. Достоевского в свете евангельской заповеди «будьте как дети» / М. А. Кустовская // Духовные начала русского искусства и просвещения: материалы VIII Междунар. научн. конф. «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения») / Сост. А. В. Моторин. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. – С. 231–235.

26. Кустовская М. А. Русская женщина как носительница начал «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале романа «Подросток») // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: Сб. статей / Отв. ред. М. Влад. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 385–390.

27. Кустовская М. А. Семантика понятия «живая жизнь» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Література в контексті культури: Зб. наук. праць / Ред. кол.: В. А. Гусев (відп. редактор) та ін. – Вип. 16. – Т. I. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2006. – С. 146–156.

28. Кустовская М. А. «Царица земная» и «ангел небесный»: женские образы Ф. М. Достоевского в контексте идеи «живой жизни» (на материале романа «Подросток») / М. А. Кустовская // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Изд-во ТНУ, 2008. – Т. 21 (60). – № 2. Серия: Филология. – С. 242–247.

29. Кустовська М. О. Концепція «живого життя» у творчості Ф. М. Достоевського. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. / М. О. Кустовська. – Симферополь, 2009. – 20 с.

30. Лагунов А. И. Талант творческий и человеческий // Рита Никитична Поддубная – профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина: Библиогр. указ. / Сост. Ю. Ю. Полякова, С. Б. Глибицкая. Научн. ред. И. И. Московкина.

Вступ. ст. А.И. Лагунов. – 2-е изд., доп. – Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. – С. 3–4.

31. Машенко А.П. Евангельская история в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / А.П. Машенко // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Серія: Літературознавство. – 1988. – Вип. 6(17). – С. 26–35.

32. Машенко О. П. Святе Письмо у світі ідей художньої прози Ф. М. Достоевського. Автореф. дис. ... канд. філол. наук / О.П. Машенко. – Дніпропетровськ, 1998. – 18 с.

33. Мужчіль В. В. Проблеми сприйняття авторського ідеалу «Братів Карамазових» Ф. М. Достоевського. Автореф. дис. ... канд. філол. наук / В. В. Мужчіль. – Дніпропетровськ, 1993. – 18 с.

34. Норець М.В. Мотив каяття в романній прозі Ф.М. Достоевського. Автореф. дис. ... канд. філол. наук / М.В. Норець. – Сімферополь, 2009. – 20 с.

35. Остапенко Л. М. «Щоденник письменника» Ф.М. Достоевського в його художньому світі: пошуки пророчого слова. Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Л.М. Остапенко. – Київ, 1999. – 20 с.

36. Памяти Риты Никитичны Поддубной / Гл. ред. К. А. Степанян // Достоевский и мировая культура: Альманах. – М., 2007. – № 22. – С. 520–523.

37. Панченко В. Триумф і банкрутство принципу («Достоевські» питання у творчості Володимира Винниченка) / В. Панченко // Кур'єр Кривбасу. – 1998. – № 93–94. – С. 132–143; – № 95–96. – С. 140–150.

38. Поддубная Р. Н. Двойничество и самозванство / Р.Н. Поддубная // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб., 1994. – Т.11. – С. 29–40.

39. Поддубная Р. Н. Идеино-художественные функции фантастики и развитие творческих принципов реализма в русской литературе XIX века. Автореф. дис. ... д-ра філол. наук / Р. Н. Поддубная. – Киев, 1990. – 30 с.

40. Поддубная Р. Н. Потребность в историческом самопознании: (Мифопоэт. тенденции соврем. лит. в свете суждений Потебни о «мифическом мышлении») / Р.Н. Поддубная // Традиции

А.А. Потебни и современная филология: Материалы III Потебнянских чтений / Харьк. гос. ун-т. – Харьков, 1988. – С. 3–27.

41. Поддубная Р. Н. Сказочно-мифологическая образность в структуре «Бесов» и проблема художественного историзма (к характеристике болдинского реализма Пушкина) / Р.Н. Поддубная // Проблемы творческого метода и художественной структуры произведений русской и зарубежной литературы: Междунар. сб. научн. тр. / ВГПИ. – Владимир, 1990. – С. 28–37.

42. Поддубная Р. Н. «Создатели и творцы»: («Поэма» Ивана и сон Алеши в «Братьях Карамазовых») / Р.Н. Поддубная // Достоевский и современность: Материалы VIII Междунар. Старорусских чтений 1993 г. – Новгород, 1994. – С. 192–197.

43. Поддубная Р. Н. «Удивительная судьба этого Стебницкого...» («На ножах» в творческой истории «Бесов»; странники Лескова и Достоевского) / Р.Н. Поддубная // Достоевский и мировая культура: Альманах. – М., 1998. – № 10. – С. 162–179.

44. Поддубная Р. Н. Федор Достоевский и Тарас Шевченко (материалы к истории несостоявшейся дружбы) / Р.Н. Поддубная // Вісник Харк. ун-ту. – 1986. – № 284: Т. Г. Шевченко. Питання мовознавства і літературознавства. – С.10–23.

45. Поддубная Р. Н. Художественная структура «Преступления и наказания» и тип романа Ф.М. Достоевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Н. Поддубная. – Харьков, 1971. – 19 с.

46. Полулях Н. С. Мотивна структура роману Ф.М. Достоевського «Біси». Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н.С. Полулях. – Київ, 2002. – 20 с.

47. Полулях Н. С. Роман Ф. М. Достоевського «Беси» в свете новозаветных текстов / Н.С. Полулях // Вісник Харк. ун-ту. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно-мовної свідомості. Серія: Філологія. – 1999. – № 448. – С. 131–134.

48. Романов Ю. А. Архетипический образ «подпольного» героя в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / Ю.А. Романов // Межвуз. научн. сб. «Вопросы русской литературы». – Симферополь: Крымский архив, 2003. – Вып. 9(66). – С. 146–160.

49. Романов Ю. А. Достоевский и Фолкнер: феномен созвучия / Ю. А. Романов // Ф. М. Достоевский в диалоге культур: Материалы междунар. научн. конф. 25–29 августа 2009 г. / Сост. В.А. Викторovich. – Коломна: Коломенск. гос. пед. инст., 2009. – С. 127–128.

50. Романов Ю. А. Малые «подпольные» сцены в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Ю. А. Романов // Материалы докладов Междунар. научн.-практ. конф. «Третьи Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 121–130.

51. Романов Ю. А. Отражение феномена «подполья» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Ю. А. Романов // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 37. – С. 279–288.

52. Романов Ю. А. «Подпольные» черты главного героя романа Ф.М. Достоевского «Подросток» / Ю.А. Романов // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. – Харків: ХДПУ, 2003. – Вип. 3 (35). – С. 34–42.

53. Романов Ю. А. «Подпольный» герой Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера («Записки из подполья», «Сарторис») / Ю. А. Романов // Филологические студии. – Симферополь, 2001. – № 3. – С. 134–137.

54. Романов Ю. А. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского – «Шум и ярость» У. Фолкнера: сквозь призму «подполья» / Ю. А. Романов // Вестник Междунар. Славянск. ун-та. – Харьков: МСУ, 2001. – Т. 4. – № 1(4). – С. 81–84.

55. Романов Ю. А. Реализация свойств «подпольного» архетипа в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Ю.А. Романов // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 26. – С. 135–141.

56. Романов Ю. А. Сопоставительный анализ творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера: возможные направления изучения и перспективы архетипного подхода в исследовании / Ю. А. Романов // Материалы докладов Междунар. научно-практ. конф. «Вторые Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения». – Севастополь: Рибэст, 2008. – С. 413–419.

57. Романов Ю.О. Феномен «підпілля» в поетиці Ф. М. Достоевського: архетипічне та типологічне. Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ю.О. Романов. – Сімферополь, 2003. – 20 с.

58. Терлецкий А. Д. Ф. М. Достоевский и философская критика рубежа XIX–XX веков / Отв. ред. Г. А. Зябрева. – Симферополь: Крымский архив, 1994. – 96 с.

59. Тодчук Н. В. І Франко та Ф. Достоевський: структурні паралелі на рівні сюжетного хронотопу («Для домашнього вогнища» – «Злочин і кара») / Н. В. Тодчук // Литературоведческий сб. – Вып. 5/6. – Донецк: ДонНУ, 2001. – С. 235–242.

60. Хваль Л. В. Ф. Достоевський і «Південна школа» американського роману (Типологія і контактено-генетичні зв'язки). Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Л. В. Хваль. – Київ, 2001. – 20 с.

61. Холодов О. Б. Типологія міфопоетичних мотивів у творах Ф. М. Достоевського («Хазяйка», «Ідіот», «Злочин і кара», «Підліток»). Автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. Б. Холодов. – Одеса, 1996. – 16 с.

62. Чичерін О. В. Ф. Достоевський у творчій спадщині І. Франка / О. В. Чичерін // Радянське літературознавство. – 1971. – № 11. – С. 54–58.

63. Чупріна І. І. Проблема художнього конфлікту у романі Ф. М. Достоевського «Брати Карамазови». Автореф. дис. ... канд. філол. наук / І. І. Чупріна. – Сімферополь, 2001. – 16 с.

64. Frank J. Notes from Underground // F. Dostoevsky. Notes from Underground / Transl. and ed. by M. R. Katz. – N.Y., 1989. – P. 202–237.

65. http://vkontakte.ru/fmdostoevsky#/photo-1968829_132219646

66. http://www.tnu.crimea.ua/structure/philolog_fac/rus-lit/index.htm